

MUSICUS

ВЕСТНИК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ
ИМЕНИ Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА

Подписной индекс в каталоге Почты России П6982

№ 1 (65) • январь • февраль • март • 2021

Учредитель и издатель:

Санкт-Петербургская
государственная консерватория
имени Н. А. Римского-Корсакова

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-30963

Главный редактор

Марина Владимировна МИХЕЕВА

Редакционный совет

Наталья Александровна БРАГИНСКАЯ
Андрей Владимирович ДЕНИСОВ
Ирина Степановна ПОПОВА

Отдел распространения, разработка логотипа, редактор

Л. П. МАХОВА

Дизайн и верстка

Ю. Л. НОГАРЕВА

Фотограф

В. Ю. КОНОВАЛОВ

Адрес редакции

190068, Санкт-Петербург, ул. Глинки, 2, литер А.
Тел.: +7 (812) 644-99-88
E-mail: edition@conservatory.ru
<http://www.conservatory.ru>

Подписано в печать 24.03.2021 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага кн.-журн. Печать
офсетная. Зак. № 17419

Оригинал-макет, электронная верстка выполнены
в Санкт-Петербургской государственной
консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова.

Отпечатано в ООО «ФрилансПарк» 199178,
Санкт-Петербург, 5-я В.О. линия, дом 70,
литера А, помещение 52Н. Тираж 120 экз.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
Мнение редакции не всегда совпадает
с мнением авторов материалов. За публикацию
представленных в редакцию материалов го-
норары не выплачиваются.

Материалы, опубликованные в настоящем жур-
нале, не могут быть полностью или частично
воспроизведены, тиражированы и распростра-
нены без письменного разрешения редакции.

Содержание

Alma mater

- Л. Волчек. «Международная неделя консерваторий» — фестиваль XXI века.
Беседовала М. Михеева 3
«Отечество — на Театральной, 3» (И. Ю. Голобродская, Н. П. Никитина,
И. Д. Медриш, Д. М. Сморгонская) 9

Музыка и судьба

- Л. Сизенёва. Галина Анатольевна Поливанова:
творчество и педагогические заветы 24

Studia

- И. Дзекцер, В. Зимина. Звуковой и образный мир
скрипичной сонаты Пуленка 28
К. Кемова. Четырехручная соната в XX веке (Ф. Пуленк, Д. Лигети):
модификация жанра 34
В. Гливинский. К вопросу о морфологическом анализе
музыки Стравинского – III 37

Теория и практика

- Е. Япарова. Сценическое волнение артиста-певца. Некоторые секреты
подготовки к выступлению 45

In memoriam

- Г. Киселёва. Анатолий Киселёв — мастер Петербургской
вокальной школы 49
Памяти Сергея Михайловича Слонимского (И. Г. Райскин, Н. В. Новицкая) 54

Дискография

- О. Скорбященская. Шопен в исполнении Владимира Мищука 58
Наши авторы 60

MUSICUS

QUARTERLY
OF THE SAINT PETERSBURG
RIMSKY-KORSAKOV
STATE CONSERVATORY

Subscription index in the *Russian Post's* catalog: П6982

№ 1 (65) • january • february • march • 2021

Founder/publisher:

Saint Petersburg Rimsky-Korsakov
State Conservatory

The magazine is registered by the Federal Service
on Supervision in the Sphere of Mass Media,
Communication and Cultural Heritage Protection.
Registration certificat of mass information
medium ПИ № ФС77-30963

Editor-in-Chief

Marina MIKHEEVA

Editorial Council

Natalia BRAGINSKAYA
Andrey DENISOV
Irina POPOVA

Distribution Department, development Logo, editor

L. MAKHOVA

Design and imposition

Y. NOGAREVA

Photographer

V. KONOVALOV

Editorial Board address:

2 liter A Glinki St., St. Petersburg 190068, Russia
Tel.: +7 (812) 644-99-88
E-mail: edition@conservatory.ru
<http://www.conservatory.ru>

Signed to print 24.03.2021

Size (format): 60×84 1/8. Book/magazine paper.
Offset print.

Print model and electronic imposition
accomplished at the Saint Petersburg
Rimsky-Korsakov State Conservatory.

Printed in the Freelance Park LLC, 5th V.O. line,
house 70, letter A, room 52N, St. Petersburg,
199178, Russia.

Circulation: 120 copies.

Articles submitted to the magazine undergo peer
reviewing. The Editorial Board's opinion may not
coincide with the author's. No royalties are paid
for publication of the materials.

Materials published in this magazine may not be
reproduced, circulated or distributed, completely or
partially, without Editorial Board's permission given
in written form.

© Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State
Conservatory

Contents

Alma mater

- L. V o l c h e k. International Conservatory Week Festival —
festival of XXI century 3
«Our Fatherland, 3 Teatralnaya» (I. Golobrodskaya, N. Nikitina, I. Medrish,
D. Smorgonskaya) 9

Music and fate

- L. S i z e n y o v a. Galina Polivanova: creative activity
and pedagogical maxims 24

Studia

- I. D z e k t s e r, V. Z i m i n a. The world of sounds and images in Poulenc's
violin sonata 28
K. K e m o v a. Sonata for piano four hands in the 20th century
(F. Poulenc, G. Ligeti): modification of genre 34
V. G l i v i n s k y. About the morphological analysis
of Stravinsky's music – III 37

Theory and Practice

- E. Y a p a r o v a. The stage fear of a singer. Some secrets of preparing
for a performance 45

In memoriam

- G. K i s e l e v a. Anatoly Kiselev — Master of Saint Petersburg Vocal School 49
In memory of Sergey Slonimsky (I. Raiskin, N. Novitskaya) 54

Discography

- O. S k o r b y a s h c h e n s k a y a. Chopin in Vladimir Mishchuk performing ... 58

- Our authors 60

The cover design includes the photo from Concert Department of Small Hall named after A. Glazunov

“Our Fatherland, 3 Teatralnaya”

«Отечество — на Театральной, 3»

ИРИНА ЮЛЬЕВНА ГОЛОБРОДСКАЯ. *Концертмейстер
Харьковского академического украинского драмати-
ческого театра имени Т. Г. Шевченко*

«В полуночной тиши бессонницы моей...»

50 лет назад я впервые приехала в Ленинград поступать в консерваторию и сразу почувствовала, что это город моей души. Благоговейное отношение к пережившим блокаду ленинградцам, несущим в себе вековую культуру и интеллигентность, осталось на всю жизнь.

*В полуночной тиши бессонницы моей
Встают пред напряженным взором
Былые божества, кумиры прежних дней
С их вызывающим укором.*

Эти строки А. А. Фета как будто приподнимают завесу моей памяти. Город великий и величавый, с духом царей и декабристов, поэтов, писателей, художников, композиторов, зодчих, где архитектура и сам воздух пропитаны культурой и историей... Отдельные уголки Ленинграда вросли корнями в мою память — дом на набережной Мойки с видом на церковь, где на время вступительных экзаменов меня гостеприимно приютили почти незнакомые ленинградцы; всегда загадочные львиные мостики, Никольская церковь, в саду которой я читала конспекты к летней сессии, улица Зенитчиков с родным общежитием и, конечно же, Театральная площадь, с которой были связаны пять памятных лет моей жизни и учебы в Ленинграде.

Концертно-театральная жизнь города была насыщена событиями, и все особенно значительное и но-

The material was prepared by 1975 graduates of the Leningrad Conservatory, the Department of Theory and Composition. They recall the years of their studies to share these memories with today's students, to tell them about the unique people and amazing teachers they met, about all the things they still keep in their memory.

Keywords: Leningrad Conservatory, Department of Theory and Composition, T. S. Bershadsкая, P. A. Vulfius, V. L. Maisky, E. A. Ruchevskaya, S. M. Slonimsky, B. I. Tishchenko, E. A. Elinson, E. E. Konstantinovskaya.

Материал подготовлен выпускниками теоретико-композиторского факультета Ленинградской консерватории 1975 года. Авторы составили воспоминания о годах учебы, чтобы рассказать сегодняшним студентам об уникальных людях, удивительных преподавателях — обо всем, что сохранила память.

Ключевые слова: Ленинградская консерватория, теоретико-композиторский факультет, Т. С. Бершадская, П. А. Вульфийус, В. Л. Майский, Е. А. Ручьевская, С. М. Слонимский, Б. И. Тищенко, Э. А. Элинсон, Е. Е. Константиновская.

вое я старалась не пропустить. Концерты Мравинского в БЗФ, спектакли БДТ, тогдашнего Кировского — туда, пользуясь соседством, удавалось проникать на пред-премьерные сдачи, как, например, на «Сотворение мира» с Барышниковым и Колпаковой. В Союзе композиторов — показ «Мастера и Маргариты» Слонимского, в Малом оперном — запоминающаяся постановка Виноградовым балета Тищенко «Ярославна»: под впечатлением я написала работу Г. Г. Тигранову по истории советской музыки.

Не перечислить всех исполнителей с мировыми именами, чьи выступления просто физически невозможно было охватить! На различных площадках давались спектакли, концерты. Так, Театр на Таганке гастролировал в ДК Первой пятилетки, а актер БДТ Стрельчик — по совместительству преподаватель кафедры оперной режиссуры консерватории — приезжал с концертом в наше общежитие, и прочитанный им «Граф Нулин» мне помнился очень долго.

Русский музей, Эрмитаж, культура и дух города стали частью меня и маяком, который освещает мою жизнь. К таким культурным ориентирам я отношу и многих преподавателей, с которыми меня свела судьба в консерватории. Через столетия трудно связно воссоздать воспоминания. Но, несомненно, общий уровень педагогов 1970-х годов — это высочайший профессионализм, интеллигентность, творчество. Тогда еще заметила (и это наблюдение не раз подтверждалось), что чем глубже и значительней личность, тем проще и толерантней она в общении со студентами. Сейчас, словно кадры из фильма, всплывают они в моей памяти...

Николай Георгиевич Привано, заведующий кафедрой теории музыки, соавтор с Юрием Николаевичем

У памятника М. И. Глинке на Театральной площади.
Сидят (слева направо): Елена Зайцева (Александрова), Ирина Голобродская, Ольга Можжевелова, Сусанна Лопатина, Мария Пантелеева, Наталья Никитина. Стоят (слева направо): Мария Грушвицкая (Бабанина), Наталия Карш, Елена Кийко, Наталия Любавина. 1975 год. Фото из личного архива

Тюлиным учебника гармонии — милейший, тихий, спокойный человек. Мы занимались в 36-м классе, где над портретом Римского-Корсакова и старым диваном витал дух великого композитора.

Феодосий Антонович Рубцов — участник множества фольклорных экспедиций, непререкаемый знаток аутентики разнообразных районов страны, автор книг, и притом — с хорошим чувством юмора!.. «Девочка без сестры», — так он называл меня.

Партитуры я читала у Израиля Борисовича Финкельштейна, в прошлом ассистента Шостаковича, что, помимо личных качеств педагога, придавало ему в моих глазах дополнительный ореол.

Иосиф Яковлевич Пустыльник, автор учебника полифонии, вел общий курс, а у меня и индивидуальные занятия. Он предложил мою экзаменационную фугу для исполнения струнному ансамблю.

Анатолий Никодимович Дмитриев, редактор оперных партитур Чайковского, на лекциях играл по памяти

огромные фрагменты русских опер и ценил это же в экзаменационных ответах.

Борис Иванович Тищенко, тогда еще относившийся к молодым, но уже известным композиторам, обучал меня инструментовке, а еще был куратором моей комнаты в общежитии. Я слушала его семинары по современной музыке для студентов композиторского отдела, где звучали новейшие сочинения Ноно, Булеза и др. На одном занятии мне повезло сыграть с Борисом Ивановичем в 4 руки Шестую симфонию Шостаковича.

Екатерина Александровна Ручьевская (в классе которой по анализу музыкальных форм я не раз чувствовала, что ничего не умею, ничему не обучена) вела индивидуальные занятия в присутствии всех своих (и не своих) студентов курса. Но в муках я получила, благодаря ей, основы скрупулезного аналитического исследования.

Не могу не вспомнить легендарную переводчицу английского, бывшую в 1937-м в Испании, Елену Евсевну Константиновскую. Она учила нас аудированию, записывая настоящее английское произношение учившегося тогда в консерватории пианиста-англичанина, кстати, лауреата конкурса Чайковского — Кристиана Блэкшоу. Я благодарна за поднятый уровень моего знания языка, пригодившийся в переводе статей для диплома.

Педагоги-зарубежники — почти все легенды. Павел Александрович Вульфус, человек с трагической судьбой, знаток и исследователь Шуберта — нас, первокурсников, вводил в истоки зарубежной музыки. Михаил Семенович Друскин, известный музыковед, в молодые годы был концертирующим пианистом. Сухощавый, загадочный, он начинал лекции по историографии с доставания и открывания коробки сигарет «ВТ», после чего закуривал и задумчиво отходил к окну. Конечно, хотелось услышать от него не только характеристики книг и их авторов, но такова была программа курса. К счастью, изданы его многочисленные исследования. С Сергеем Николаевичем Богоявленским, руководителем моего диплома, судьба свела меня еще при поступлении в консерваторию. На коллоквиуме он сел за рояль и наиграл тему из «Симфонических этюдов» Шумана, которых в программе не было. Я хорошо знала фортепианную литературу и ответила. Он удивился, но остался доволен. Заведующий кафедрой истории зарубежной музыки, с широчайшей эрудицией, Богоявленский сам был личностью ищущей, творческой и ценил творческое начало у студентов. В занятиях привлекало отсутствие менторского тона. Он как бы подключался к моей волне и ненавязчиво направлял в интересную для разработки сторону. Первоначально поинтересовавшись моими предпочтениями, Сергей Николаевич предложил философско-этическую тему в операх Вагнера. По мере изучения, видя мое охлаждение, без всякого давления и упрека подобрал тот материал, которым я была увлечена, вложив все силы в его исследование. Зарождение экспрессионизма

в опере на примере двух монодрам Шёнберга — тема моей дипломной работы, на основе которой Богоявленский предложил написать статью для консерваторского сборника, прислав мне в Харьков открытку через несколько месяцев после окончания консерватории. По легкомыслию, увлекшись исполнительством, я упустила возможность продолжения дорогого для меня общения...

50 лет спустя, из другой эпохи, другой страны вспоминаю период моей ленинградской консерваторской жизни с благодарностью к светлой памяти незабвенных преподавателей консерватории, к однокашникам, городу, ленинградцам.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА НИКИТИНА. *Преподаватель музыкально-теоретических дисциплин Санкт-Петербургского музыкального училища имени М. П. Мусоргского*

Мгновения памяти

Нашему поколению повезло. Мы учились в тот период, когда в консерватории работало много замечательных преподавателей. Нам платили стипендию, на которую можно было очень скромно, но прожить. В Ленинграде была насыщенная концертная жизнь, за небольшую плату можно было купить входные билеты на концерты потрясающих музыкантов, исполнивших замечательную музыку. У нас была возможность выехать на зимних каникулах в Серово, под Зеленогорском, чтобы несколько дней покататься на лыжах и сдать нормативы (спортивный инвентарь выдавали бесплатно). А большие любители лыжных прогулок записывались в лыжную секцию и в те же зимние каникулы в течение двух недель тренировались на замечательных трассах в Кавголово. В летние каникулы организовывалась фольклорная экспедиция. На старших курсах появилась возможность наиболее активным в общественной и спортивной жизни студентам ездить в спортивно-оздоровительные лагеря на замечательные курорты Советского Союза. Так, я побывала в Пярну на Балтийском море и на Черном море в Одессе, Прасковеевке и Геленджике.

Нет, не надо думать, что у нас была райская жизнь. Приходилось много заниматься. Песенка с припевом: «от сессии до сессии живут студенты весело, а сессия всего 2 раза в год¹», — это не про студентов консерватории. Но мы занимались любимым искусством, много читали, много слушали, много обсуждали...

Именно во время обучения я получила тот профессиональный багаж, который помог успешно преподавать музыкально-теоретические предметы в музыкальном училище. И в этом безусловная заслуга наших учителей, о самых любимых из которых хочется вспомнить.

Татьяна Сергеевна Бершадская. Изучение гармонии начинается сразу же на первом курсе. И уже в первый день наших лекционных занятий на выходе из аудитории нас ждала женщина средних лет со строгим (как нам тогда казалось) выражением лица, которая не только назначила время индивидуальных занятий на ближайший понедельник, но и продиктовала домашнее задание уже на первый урок. Задание оказалось для меня таким большим и сложным, что я просидела над его выполнением все воскресенье и к вечеру осознала, что я так жить не хочу. К счастью, на следующей неделе мы, в основном, исправляли свои работы, и жизнь стала приемлемой. И преподаватель оказался вовсе не строгий, все замечания делались доброжелательно, а если их было слишком много, то некоторые из нас удостоивались ласкового, поддерживающего похлопывания по плечу. Как было интересно на уроках Татьяны Сергеевны! Мы мало делали стандартных учебных заданий, много было упражнений на освоение современных гармонических средств, на досочинение. Когда все индивидуальные ученики собирались вместе, мы обсуждали какие-нибудь сложные теоретические понятия и анализировали музыку с точки зрения структурных и выразительных особенностей гармонического языка.

Гармония стала одним из главных предметов в моей преподавательской деятельности в музыкальном училище. И в течение многих лет я обращалась к Татьяне Сергеевне с просьбой прослушать выпускников, поступающих на теоретическое отделение. Посещение таких консультаций становилось событием не только для будущих абитуриентов, но и для меня. Это были самые лучшие «курсы повышения квалификации». И сейчас я тоже знаю, что могу позвонить Татьяне Сергеевне и проконсультироваться по любому вопросу. И не только профессиональному.

Павел Александрович Вульфшус. Павла Александровича мы все просто обожали. Он принимал у нас вступительные экзамены, и мы, еще ничего не зная об его огромной эрудиции, высокой культуре и внутреннем благородстве, сразу же обратили внимание на особую манеру слушать отвечающего: умный, лучистый взгляд, чуть заметная, слегка ироничная улыбка, переплетенные пальцы рук. Его лекции никогда не были напичканы большим количеством фактов. Объявлялись главные положения, характеризующие тот или иной период в истории развития музыкального искусства, и далее следовали рассуждения, в которых конкретные детали выстраивались в стройное целое. Поэтому воспринимать и запоминать его идеи было легко даже не очень подготовленным первокурсникам.

В обращении со студентами он был всегда предельно вежлив и доброжелателен. Вспоминается эпизод из наших вступительных экзаменов. Одна абитуриентка, наша одноклассница по музыкальной десятилетке,

¹ Строки из шуточного стихотворения «В первые минуты...» поэта и драматурга В. Е. Бахнова. (Прим. ред.)

вышла отвечать билет, но от волнения отказалась садиться перед экзаменаторами, объявив, что будет отвечать стоя. Павел Александрович ответил, что ему в таком случае тоже придется встать и слушать её ответ стоя: он не может сидеть, когда перед ним стоит дама. Девочка села, успокоилась и благополучно сдала экзамен.

Элла Абрамовна Элинсон. Элла Абрамовна была замечательной пианисткой и каждый год выступала с сольной программой в консерваторском концертном зале имени А. К. Глазунова. Интерпретации Эллы Абрамовны всегда были яркими и индивидуальными. Одухотворенное и как бы парящее звучание финала 17-й сонаты Бетховена в её исполнении до сих пор периодически вспыхивает в моем сознании.

На индивидуальных занятиях она много работала с нами над качеством звучания. После выступлений на учебных концертах и экзаменах Элла Абрамовна, добрейший человек, всегда поздравляла, хвалила. Мы, музыковеды, были серьезно загружены разнообразными заданиями по специальным предметам и не имели достаточно времени, чтобы добиться технической безупречности исполнения. Она никогда не упрекала за это, притворялась, что не заметила сбоев, настраивала нас на то, чтобы трактовка произведения всегда была, прежде всего, содержательной и выразительной.

Элла Абрамовна заслуженно пользовалась любовью и уважением не только у студентов, но и у преподавателей. Вспоминается эпизод из урока по полифонии у Валерия Леопольдовича Майского. Он поинтересовался, у кого мы занимаемся по фортепиано. Я не без гордости ответила: «У Эллы Абрамовны». «Прекрасно!» — отреагировал Майский. Моя подруга повторила фамилию Эллы Абрамовны. «Прекрасно!» — опять повторил Майский. Еще одна студентка назвала фамилию другого преподавателя, известного больше своими успехами в работе по партийно-профсоюзной линии. «Прекрасно... знаю», — элегантно «выкрутился» Валерий Леопольдович.

Борис Иванович Тищенко. С музыкой Тищенко мы были немного знакомы еще до поступления в консерваторию. Его сочинения часто исполнялись в филармонии на ежегодных фестивалях современной музыки под названием «Ленинградская музыкальная весна». И публика всегда очень тепло принимала его произведения.

В начале 70-х ему было чуть более 30 лет. Он недавно начал работать в консерватории и поначалу на ТКФ вел только чтение партитур и инструментовку, которую преподавал на нашем курсе у нескольких студенток. Этот предмет не относился к числу важнейших в комплексе дисциплин музыкально-теоретического цикла, но это был тот случай, когда у нас, благодаря официальным занятиям, появилась счастливая возможность близкого общения с выдающимся музыкантом. На уроках мы мало занимались технологией игры на различных инструментах — об этом можно было прочитать

в учебнике. Нас учили стремиться к тому, чтобы в инструментовках оркестр звучал сбалансированно, чтобы избираемые тембры усиливали выразительные качества музыки, а также чтобы мы писали для инструментов, по возможности, удобные партии. Иногда Борис Иванович показывал нам на уроке свои новые произведения. Однажды он сыграл только что написанный Концерт для флейты, фортепиано и струнного оркестра. В авторском исполнении он произвел на нас потрясающее впечатление. До сих пор этот концерт является для меня одним из самых любимых сочинений.

Екатерина Александровна Ручьевская. Екатерина Александровна уже в 70-е годы была одним из ведущих преподавателей кафедры теории и обладала непререкаемым авторитетом. На нашем курсе она читала лекции по анализу, а также вела индивидуальные занятия. Её лекции были настолько насыщены новыми идеями, что в аудитории стояла абсолютная тишина, все «строчили» конспекты, стараясь максимально зафиксировать незнакомый нам материал, чтобы потом еще раз внимательно перечитать. В дальнейшем эти лекции легли в основу одной из ее значительных научных работ — «Функции музыкальной темы» [4].

Индивидуальные занятия тоже были необычны. Дома мы анализировали какую-нибудь музыкальную форму и в классе рассказывали об этом. После нашего ответа часто наступала тягостная пауза. Затем звучал вопрос: «Домашнее задание на следующий урок знаете? До свидания!» Екатерина Александровна была очень закрытым и немногословным человеком. Но ее принципиальная неразговорчивость оказалась педагогическим методом. Она таким образом приучала к самостоятельности и выработке своего ощущения музыки. Прошло много времени, прежде чем она начала рассказывать нам о своем слышании музыкального произведения, и это всегда было очень интересно, образно и «по делу». И от нас она требовала стараться услышать индивидуальные детали произведения, которое мы анализировали, избегать невыразительных, общих, стандартных выражений.

Потом, когда мы попали к ней по специальности, она иногда стала немного рассказывать о себе. И мы узнавали некоторые особенные детали ее характера. Как-то Екатерина Александровна вспоминала свои школьные годы (они проходили в Пушкине). В их классе зимой на переменах ребята любили кататься на коньках, в которых они выскакивали на улицу, старались прицепиться к какому-нибудь транспорту, и таким способом катались. Чтобы не тратить время на переодевание, они и на уроках сидели, не снимая коньков. Однажды ее вызвали к доске, и она так и пошла отвечать, в коньках.

Екатерина Александровна неоднократно напоминала нам, что мы выбрали такую профессию, которая требует бесконечной преданности музыкальному искусству. Сама она являлась примером такого служения музыке.

Внешний облик Екатерины Александровны был очень скромным и строгим. В нем совершенно отсутствовало желание привлечь к себе внимание яркими деталями одежды или прически. Простая стрижка, отсутствие макияжа, неизменные кофта с блузкой и юбка, туфли на низком каблуке. Но как красив был ее правильный профиль, когда она сидела в классе за столом, подперев щеку ладонью, и внимательно слушала рассказ студента или аспиранта.

Вспоминается торжественное собрание в зале Союза композиторов в честь ее 75-летия: все выступавшие в восторженных тонах восхваляли научную деятельность юбиляра. В конце Екатерина Александровна сказала, что хочет немного понизить пафос высказываний и рассказала такой эпизод из своей жизни. Как-то раз на прогулке с собакой, породу которую она определяла как «двортерьер», Екатерина Александровна разговорилась с одной из собачниц. Та задала вопрос о месте работы и, услышав слово «консерватория», уточнила: «Гардеробщицей?». Ну кто, кроме Екатерины Александровны, мог бы рассказать такое про себя во время юбилейного чествования?

К сожалению, по ряду причин автору этих воспоминаний не довелось пройти полный курс лекций у выдающихся музыкантов — М. К. Михайлова, В. Л. Майского, А. П. Милки. Но даже шесть месяцев обучения у М. К. Михайлова позволили ощутить масштаб и высокий уровень его профессионализма. Один семестр лекций и индивидуальных занятий по полифонии у В. Л. Майского проходил очень интересно. Валерий Леопольдович был ярким исполнителем, знал много музыки наизусть, поэтому мы могли услышать в его исполнении и фрагменты d-moll'ного фортепианного концерта Моцарта, и отрывки из оперы Г. Баншикова «Любовь и Силин» и многое другое. Параллельно с лекционным материалом, на занятиях звучало много забавных историй из жизни известных музыкантов и музыковедов, главным из которых был его учитель А. Н. Должанский. Вспоминается история про сочинение подтекстовок к фугам Баха и Шостаковича. Например, у темы фуги g-moll (ХТК, I) был такой текст: «Однажды ночью, очень грустный, я шел». После ухода Майского из консерватории индивидуальные занятия у нас проводил А. П. Милка. Помимо анализа наших практических работ, он устраивал для нас минилекции, в которых очень четко и логично выстраивались основные положения теории полифонии. Анатолий Павлович славился своим остроумием, его шутки передавались студентами «из уст в уста». Он любил переиначивать слова: «Годидзе» вместо «годится», «Янсонс» вместо «ясно», «Фарбштейн» вместо «ferstein».

В заключение хочется вспомнить некоторые веселые моменты нашей студенческой жизни. Не все предметы были интересными, не все преподаватели — яркими и талантливыми. В таких случаях оставалась возможность пообщаться с друзьями на лекциях запи-

сками. Некоторые облакали свои мысли в поэтические строки. Привожу одно из стихотворений нашей однокурсницы, профорга Ольги Можжевеловой, которое она послала «по рядам» на семинаре по истории КПСС. Зная литературную одаренность Ольги, я уверена, что это — импровизация. Как это ни удивительно, я запомнила его наизусть.

*Дорогие граждане, милые подруги!
Вот какие мысли пришли мне на досуге:
Не пора ли взнос внести по январю включительно?
Это было бы, друзья, очень замечательно!
А если кто не внес, в профкоме мне разнос,
А этот, кто не внес, получит живо в нос,
И не фигурально, а очень натурально.
Будет после голосить —
Вольно же взносы не платить!
Так что раскошеливайтесь, пошевеливайтесь.*

Второй забавный эпизод тоже произошел с Ольгой Можжевеловой. В какой-то год ее индивидуальные занятия по фортепиано совпали с 31 декабря. А начинались они очень рано, по-моему, в 8 часов. И вот Ольга, мечтая о том, чтобы ее отпустили с урока, начала намекать преподавателю по фортепиано И. М. Белоземцеву: «А вот следующий урок попадает на 31 декабря, а вечером хочется как следует отпраздновать, погулять...». Иван Михайлович немного подумал и ответил: «Да-да понимаю... Ладно, приходите не в 8, а в 8.15».

Такое же строгое отношение к занятиям было и у Н. Г. Привано. Однажды он читал нам двухчасовую лекцию 31 декабря с 17.00. Мы пытались его уговорить отпустить нас, но безуспешно.

Вот, пожалуй, и все главные эпизоды, которые я смогла вспомнить из нашей студенческой жизни, протекавшей 45–50 лет назад. После окончания консерватории мы старались, как могли, передавать полученные знания нашим студентам в училище. Кто-то поступал в консерваторию и совершенствовал свой профессионализм у наших учителей, другие — занимались уже с учениками наших преподавателей. И я надеюсь, нет, я уверена, что преемственность поколений позволит держать высокий уровень преподавательской и научной деятельности на музыковедческом факультете нашего любимого вуза.

ИРИНА ДАВИДОВНА МЕДРИШ. *Преподаватель-методист высшей категории отдела теории музыки Черновицкого областного профессионального колледжа искусств имени С. Воробкевича*

«Всё прошлое я вновь переживаю...»

Трудно поверить, что прошло так много времени с момента окончания консерватории. Но невозможно забыть тех людей, счастье общения с которыми мне подарила жизнь.

Павла Александровича Вульфюса я впервые увидела при поступлении в консерваторию — в 1970 году на коллоквиуме. Он задал вопрос, какие книги о Бахе я читала. Я назвала книгу Швейцера, еще двух авторов, а потом сказала: «И еще одну книгу... В оранжевой обложечке...». У Павла Александровича по губам промелькнула, как змейка, насмешливо-задорная улыбка, и он хитро спросил: «А я обложечку возьму да сменю. Что тогда?».

П. А. Вульфюс читал первокурсникам курс лекций по истории зарубежной музыки. Это был интеллигентнейший человек с широчайшей эрудицией в разных областях, представитель многовековой европейской культуры, необыкновенно преданный музыке. Внешне он напоминал мне строгого, но доброжелательного патера. Говорил он негромко, но «весомо», ни одного лишнего слова. Мы перед ним робели, ощущая удивительность этого человека. Позднее я поняла, что многое из того, что щедро дарил и раскрывал в своих лекциях Павел Александрович, нам было тогда еще «не по зубам». Уже на последнем пятом курсе, по собственной инициативе повторно посещая его лекции, я была по-новому поражена оригинальностью его точек зрения, глубочайшим проникновением в творчество Баха, Шуберта и других композиторов и пожалела, что на старших курсах, когда мы немного поумнели, Павел Александрович уже нам ничего не читал.

На лекциях Вульфюса мы заметили у него какое-то странное, очевидно, произвольное, периодически повторяющееся движение — подергивание локтем от пояса вверх. Позднее мы узнали трагические детали жизни Павла Александровича: аресты в 1938 и 1950-х годах по 58-й статье за «шпионаж», лагеря в Пермской области и в Красноярском крае, работа в мороз на лесоповале, где он отморозил пальцы и потому никогда на фортепиано на лекциях ничего не иллюстрировал. Оттуда и это движение: у заключенных отбирали шнурки и пояса; их руки были заняты бревнами, и сползающие брюки можно было удержать лишь локтем. Это движение за многие годы лагерей стало автоматическим. (Как я потом, будучи дипломницей Павла Александровича, узнала, у этого «немецкого шпиона» было два любимых, самых главных праздника: это — Рождество и День Победы над фашистской Германией...).

Павел Александрович проводил и семинары, предлагая нам на выбор интересные неразработанные еще темы. Помню, что сделала сообщение на тему «Песни Шуберта на античные сюжеты» и заслужила похвалу (!) за новый найденный материал. Бесконечно уважая его, я на третьем курсе попросилась к нему для написания диплома по той же теме. Когда я впервые зашла домой к Вульфюсам за какой-то книгой, его жена, строгая Ольга Георгиевна, сказала: «Пожалуйста, делайте все как надо и в срок, не расстраивайте Павла Александровича». Я пообещала.

Каждое общение с Учителем было очень ценным. Он умел творчески направить, заинтересовать. Поражало то, как много он всего знает, его безупречный такт, уважительное и отцовское отношение к своим ученикам. На всю жизнь поучительным для меня стал следующий случай. Как-то Павел Александрович, который интересовался всеми новинками музыковедения, читал и иностранные научные журналы, сообщил, что в английском журнале он обнаружил интересную статью о Шуберте, которая мне бы пригодилась. «Но, к сожалению, помочь вам не смогу: статья на английском языке», — сказал он. «Я знаю немецкий, французский, а английский не знаю. Вы сможете перевести?» Я самоуверенно ответила: «Да, конечно, я знаю английский» (у меня были «пятерки» по языку). Павел Александрович обрадовался и задал перевести и обдумать статью за неделю, до следующего занятия с ним. Статья была большая, на 25–30 журнальных страниц, с профессиональным и сложным текстом. За неделю, со словарями, я, с горем пополам, перевела страницы две. Через неделю, на уроке, сгорая со стыда, я призналась в своем бессилии. Павел Александрович раскрыл журнал и медленно, без всякого словаря, начал переводить статью. Я срочно записывала основные мысли. За 45 минут урока Павел Александрович все перевел. Я была ошарашена: «Павел Александрович, так Вы же сказали, что не знаете английского!!!» «Конечно, не знаю», — ответил он. — «Я плохо на нем говорю, да и пишу с ошибками».

Павел Александрович тогда работал над книгой о Шуберте. Он обожал музыку композитора, особенно песни, но жаловался, что его произведения трудно анализировать: «Понимаете, его гармония звучит божественно; смотришь, а там ничего особенного вроде нет, все просто, а звучит — божественно!» К сожалению, свою главную книгу «Франц Шуберт: Очерки жизни и творчества» из серии «Классики мировой музыкальной культуры» Павел Александрович так и не увидел: она вышла через шесть лет после его смерти (он прожил 69 лет), в 1983 году. Такого полного представления о человеческой и творческой личности композитора, как в книге П. А. Вульфюса, нет нигде. В ней я нашла для себя еще одно подтверждение его высокой порядочности: в определенных местах он ссылается на мою, выпускницы, дипломную работу. (Кто я по сравнению с ним...). По окончании консерватории я получила от него в подарок книгу с ценной дарственной надписью: «Моей милой ученице Ире Медриш в качестве лишнего (т.е. еще одного) толика к занятиям Шубертом. П. Вульфюс. Февраль 1975 года».

Однажды Павел Александрович пришел на урок хмурый, утомленный, какой-то измученный. Извинился, что он не в нужном рабочем состоянии. Признался, что не спал всю ночь, так как тревожили воспоминания. «Вдруг снова увидел себя в Красноярском лагере... Привезли меня, стою перед начальником — толстомордым

В ПОМОЩЬ ПЕДАГОГУ-МУЗЫКАНТУ

П. ВУЛЬФИУС

КЛАССИЧЕСКИЕ
И РОМАНТИЧЕСКИЕ
ТЕНДЕНЦИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ
ШУБЕРТАНа материале
инструментальных ансамблей

*Моя мама
ученица
Шульфиуса
в классе ансамбля (м.р. 1911)
Меня / Толик и Галина
Шульфиус
1975*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МУЗЫКА» МОСКВА 1974

Книга
П. А. Вульфиуса
с дарственной
надписью
И. Д. Медриш.
1975 год. Частное
собрание

В сквере
на Театральной
площади после
защиты дипломных
работ. В центре —
П. А. Вульфиус.
Слева от него
Мария Пантелеева,
справа — Ирина
Медриш. 1975 год.
Фото из личного
архива

майором, который развалился в кресле. Спрашиваю его: „А что значит осужден бессрочно?“ А он мне так злорадно отвечает: „А это значит, что кости твои тут гнить будут, понял?!“» Это был единственный раз, когда Павел Александрович затронул такую тему: он никогда не говорил о тех страшных 17-ти годах своей жизни. Спрашивать же было неудобно. (А вообще о многом другом можно и нужно было спросить, ведь с Вульфиусом уходила целая невозвратимая культурная эпоха. Но все это я поняла гораздо позднее, о чем жалею).

Эпизодов общения с П. А. Вульфиусом в памяти много. Он интересно рассказывал о дружбе с Даниилом Хармсом, к спектаклю которого написал музыку — по его словам, «довольно авангардную». У Павла Александровича было тонкое чувство юмора, он любил хорошие шутки, умел добродушно подтрунивать. Как-то раз, когда на уроке я читала очередной фрагмент дипломной работы, Павел Александрович остановил меня: «Ирочка, почему вы так сутулитесь? Ну-ка, выпрямите спину! Ведь что главное в женщине?» Он стал загибать пальцы: «Ум, фигура...». Задумался и продолжил: «Нет, пожалуй, так: фигура, ум...». Получение дипломов я и Мара Пантелеева (тоже дипломница Павла Александровича) отмечали вместе с ним у Галины Робертовны Фрейншлинг — друга семьи Вульфиус, преподававшей до 1973 года в консерватории. Пили чай

с тортом, Павел Александрович рассказывал разные истории. А потом хитро взглянул на хозяйку дома и сказал нам: «Вы знаете, Галина Робертовна такой человек, что если где-то там, далеко, замаячит какое-либо новое ярмо, Галина Робертовна его увидит, помчится туда вприпрыжку и сунет в него свою голову».

У меня над пианино уже много лет висит портрет моего любимого учителя: высокий лоб, своеобразный излом бровей, задумчивый взгляд умных, с опущенными уголками, глаз; по бокам головы — венчик седых волос. Как ореол.

С П. А. Вульфиусом память связывает **Валентина Ивановича Нестерова** (который в ту пору был ассистентом Павла Александровича) — Валю Нестерова, как звал его Вульфиус да и мы между собой: ассистент был очень молод. Хоровой дирижер, Нестеров в 60–70-е годы одним из первых стал возрождать старинную музыку эпохи средневековья, Возрождения, барокко. Под его управлением было исполнено и записано множество опер (в частности, Пёрселла, Перголези), ораторий (Шютца, Генделя). Валентин Иванович читал некоторые темы в курсе Павла Александровича и, главным образом, проводил семинары. Никогда не забуду один из них — Месса h-moll Баха. Обсудив с нами несколько моментов, касающихся особенностей этого

произведения, Валентин Иванович неожиданно спросил: «А сколько в мессе Баха пауз?». Естественно, все молчали. «И вы, не зная этого, пришли, не подготовившись, на семинар?! Так как же с вами говорить об этом великом произведении? Вот когда будете знать, тогда и поговорим. На лекции». И ушел. До лекции было два дня. Надо ли говорить, что группа в тот же день взялась за подсчет пауз в мессе. Те, кто жили в общежитии, разделились на группки и бегали из комнаты в комнату сверять числа. А ленинградцы считали дома. Кому повезло, у кого был телефон, те перезванивались, не выходя из дома. У кого не было, разменивали мелочь по 2 копейки и мчались звонить из телефонных будок на улице. Поскольку числа у всех катастрофически не совпадали, пересчет начинался заново. Перед лекцией шли бурные споры — у кого правильный подсчет, даже заключались пари...

Когда в аудиторию вошел Валентин Иванович, все закричали: «А правда должно быть столько?» (назывались цифры с тысячами).

— Это вы о чем? — как бы не понял Нестеров.

— О паузах.

— О каких паузах?

— Ну, в Мессе си минор... (Мы еще не понимали).

— А зачем они вам?

— Так Вы же сказали их все посчитать...

— Я сказал?! Да я что — ненормальный, чтоб вам такое говорить?!

И только тут мы поняли, как нас разыграли! Нестеров преподавал нам своеобразный урок: ищите суть, главное, а не какую-то ерунду.

Весь первый курс консерватории у меня (и, наверно, не только у меня) прошел под знаком гармонии. Лекции по этому предмету читал тихий и спокойный Николай Георгиевич Привано, а несколько тем — **Татьяна Сергеевна Бершадская**. Удивляло, что она помнит наизусть так много музыки, теоретический материал иллюстрировался музыкальными примерами из произведений самых разных композиторов. Мне нравился ее насмешливо-веселый взгляд, «шапочка» кудрявых волос, приятный неторопливый голос. Но она была строга, многие ее побаивались, и я тоже. Часть нашей группы, и я в том числе, попала к Татьяне Сергеевне на индивидуальные занятия, но на самом деле все ученики приходили на уроки вместе. Татьяна Сергеевна проигрывала задачи каждого из нас, тут же поощрительно комментируя все положительные, интересно сделанные фрагменты или исправляя и иронично, преувеличенно подчеркивая ошибки. Так же на «общий суд» выносились игра цифровок или творческие задания. Помню, Татьяна Сергеевна дала нам сочинить монодию. Мы не сразу поняли, что монодия и мелодия гомофонно-гармонического склада — далеко не одно и то же. Процесс этого понимания был очень интересным. И каким счастьем было заслужить нечастую похвалу Татьяны Сергеевны!

Т. С. Бершадская по природе добрый и отзывчивый человек. Но у нее была довольно жесткая методика обучения. Горе тому, кто делал в задачах ошибки (а я делала!) — параллелизмы, неверное ведение септимы и т. д. Обводя ошибку красным стержнем и насмешливо глядя на провинившегося, Татьяна Сергеевна безжалостно говорила: «Плюс два варианта», а чаще — «Плюс три варианта». (Эти «страшные» слова звучали очень своеобразно: «Плюс три варьЯнта!»). Это означало, что вдобавок к новым заданиям надо к следующему уроку не только исправить ошибки в задаче, но и сделать ее еще в нескольких вариантах: варьировать, где возможно, функции, аккорды, вводить подголоски, делать отклонения, изменения фактуры...

Неудивительно, что я постоянно что-то писала в тетрадке по гармонии: рано утром; в перерывах между занятиями; в столовой; в антрактах концертов или спектаклей, на которые мы по вечерам бегали; перед сном; вместо сна... Мне Татьяна Сергеевна несколько раз говорила: «Вы — человек музыкальный. Но ошибки... Думаю, вы не сможете сдать экзамен». (Я тогда не знала, что это прием стимулирования студента в работе). Экзамен был нелегким. Сначала мы письменно сочиняли «трехчастную форму»: нам давались начальные такты и первые такты среднего раздела. Надо было развить и гармонизовать мелодию, фактически сочинить небольшую пьесу. На это отводилось, кажется, три часа. Каждый писал в отдельном классе и не имел права выходить оттуда до окончания работы. Устный экзамен по билетам включал теоретический ответ, игру цифровки и гармонический анализ фрагмента произведения. Когда Татьяна Сергеевна стала объявлять оценки (по пятибалльной системе), я была уверена, что экзамен не сдала. Услышав свою фамилию и после нее «пять с минусом» как что-то само собой разумеющееся, я решила, что ослышалась и продолжала стоять и тогда, когда все уже выходили из аудитории. Татьяна Сергеевна сделала вид, что не поняла, что со мной, и спросила с иронией: «Вам не нравится ваша оценка? Ну, можно исправить...». Опомившись, я сказала Татьяне Сергеевне: «Минус — мой, пятерка — Ваша...». Это было на первом курсе, почти (страшно подумать!) 50 лет назад.

За эти годы, приезжая в Ленинград, я несколько раз со своими сокурсницами навещала Татьяну Сергеевну. Она — прекрасный рассказчик. От нее мы слышали об интересных людях, у которых она училась (Ю. Н. Тюлин, Х. С. Кушнарев) или с которыми дружила, узнали удивительные детали о блокаде, которую пережила Татьяна Сергеевна, будучи студенткой первого курса консерватории... На одной из таких встреч она прочла нам свое шутовское «гармоническое» стихотворение:

*Друзья мои! Прекрасен наш союз.
Он как аккорд неразделим и вечен,
Как камбиаты ход свободен и беспечен,
Как задержание — пленник строгих уз.*

*Куда бы нас ни бросил бег науки —
В Париж или в Бостон, как ни посмотри,
Все те же мы. Нам в целом мире — скука.
Отечество — на Театральной, 3.*

По праздникам, находясь от Татьяны Сергеевны на огромном расстоянии, я набираю ее номер, слышу по телефону неизменившийся за столько лет голос, начинаю чувствовать себя той первокурсницей, и мне кажется, что сейчас я услышу такое знакомое: «Ира, плюс три варьянта!»

На старших курсах историю зарубежной музыки нам преподавали **Галина Тихоновна Филенко** и **Сергей Николаевич Богоявленский** — муж и жена, абсолютно разные по характеру и манере читать лекции, но люди высокого профессионализма и широкой эрудиции, отлично владевшие французским языком.

Г. Т. Филенко одной из первых занялась исследованиями современной музыки. Ее крупнейшая монография «Французская музыка первой половины XX века» [5] и в наше время не утратила ценности. Благодаря знанию языка, она перевела с французского письма и воспоминания Пуленка и Бизе.

Галина Тихоновна всегда была строга и подтянута, с неизменно гладко зачесанными и стянутыми сзади волосами. У нее была своеобразная походка балерины: знатоки шутили, что «Филенко ходит в 3-й позиции». Я испытывала к ней чувство боязливого уважения. Говорила она неспешно, четко, настолько увлекалась рассказом, что не смотрела на аудиторию, и иногда казалось, что она просто сама с собой рассуждает вслух. Как-то Галина Тихоновна, увлеченная современной польской музыкой, прочла нам о ней лекцию... три раза подряд, причем, каждый раз с новыми деталями и интересными фактами. Сказать ей об этом никто не решился. В результате нам пришлось к экзамену самостоятельно готовить музыку венгерскую и чешскую.

Обычно перед экзаменом Галина Тихоновна давала нам огромный список литературы, успеть прочитать который было физически невозможно; кроме того, еще надо было проиграть по нотам ряд произведений. Мы делились на группы: кто-то читал (точнее, просматривал) одно, кто-то — другое, а затем коротко пересказывали друг другу. (Гораздо позднее я поняла, что, очевидно, Галина Тихоновна и не надеялась, что мы прочтем весь предложенный ею материал: она учила нас ориентироваться в литературе, схватывать главное, выявлять музыковедческие проблемы). Что-то пропустить, не сделать, не посмотреть было невозможно: Г. Т. Филенко все это моментально на «испытании» выявляла своими вопросами. Подсмотреть, что-то выписать тоже не представлялось возможным. Галина Тихоновна очень внимательно наблюдала за теми, кто перед ней, и в продолжение всего экзамена, который мог продолжаться 8–9 часов подряд, ни разу не выходила из аудитории; если опрос студента длился

всего минут 40, все с завистью смотрели на счастливого.

Нередко Галина Тихоновна не обращала внимания на звонок с лекции, продолжая свой рассказ. Временами дверь приоткрывалась, в нее робко просовывалась голова Сергея Николаевича, и он тихо звал: «Галина Тихоновна!..» Зов оставался без ответа, как и повторное тихое обращение. Тогда, погромче, Сергей Николаевич говорил: «Мадам, Вас ждут на заседании кафедры!» (он был заведующим кафедрой истории зарубежной музыки). Следовал царственный поворот головы и ответ: «Сейчас закончу — тогда приду».

С. Н. Богоявленский был очень подвижным, всегда спешил. Казалось, что он знает все, о чем ни спроси. Позже я прочла в воспоминаниях Р. Г. Лаула высказывание Сергея Николаевича о том, что настоящий историк музыки должен владеть материалом всей истории музыки и уметь прочесть лекцию на любую тему [3]. Сергей Николаевич Богоявленский и был таковым. Говорил он тоже быстро, немного хрипловатым голосом. К студентам относился доброжелательно, его лицо в морщинках улыбалось. Часто курил, подойдя к окну, не переставая рассказывать. Материал излагал очень эмоционально; ассоциативная живая мысль заставляла его переходить с одного на другое. Особенно запомнились яркие лекции Сергея Николаевича об операх Верди. Оперы этого композитора, особенно шекспировские, — одна из главных тем исследований Богоявленского.

Анализ музыкальных форм нам читала **Екатерина Александровна Ручьевская**. Невысокого роста, с ровно подстриженными, чуть закрывающими уши, прямыми и уже седыми волосами (хотя лицо выглядело молодо), она говорила быстро, но четко и уверенно. Материал лекций был настолько информационно насыщенным, «спрессованным», что трудно было успевать фиксировать в конспекте самое важное, основное: все было важным и основным. Опираясь на интонационную теорию Асафьева и на положения его труда «Музыкальная форма как процесс» [1], Екатерина Александровна разрабатывала множество теоретических проблем, в частности такие, как изучение логики взаимодействия и «соподчинения» элементов музыкальной ткани, взаимодействие музыки и слова. Одной из первых она анализировала произведения молодых современных композиторов. В то время Ручьевская занималась проблемой функций музыкальной темы и «опробовала» свои мысли и выводы на наших лекциях.

Мне посчастливилось попасть к ней в класс по индивидуальному анализу. Екатерина Александровна занималась не с одним студентом, а по каким-то своим соображениям объединяла несколько студентов вместе. Меня она поставила в пару с моей подругой-однокурсницей Ларисой Чконией. Екатерина Александровна попросила, чтобы на самый первый урок каждая из нас принесла анализ произведения по своему выбору:

очевидно, хотела посмотреть, на что мы способны. Я разобрала несколько прелюдий Скрябина, музыкой и идеями которого я была увлечена, а Лариса принесла, если не ошибаюсь, часть крупной формы. Екатерина Александровна очень благосклонно нас выслушала, похвалила и сказала: «Думаю, у вас все будет хорошо, и мы сработаемся». Это нас несказанно обрадовало. Мы с Ларисой еще не знали, насколько эта радость легкомысленна и преждевременна.

Уже на втором уроке от легкости первого не осталось и следа. Домашнее задание — полный анализ какого-либо произведения или его части — проверялось на уроках таким образом: одна из нас говорила все, что могла, что увидела и услышала в музыке; потом другая дополняла (на каждом уроке очередность менялась). Трудность, прежде всего, была в том, что Екатерина Александровна все это время молчала с совершенно невозмутимым лицом: никаких замечаний или поощрений. Было непонятно, правильно мы говорим или ошибаемся, по делу или какую-нибудь ерунду... После того, как мы замолкали, тишина продолжалась еще минуты две, а казалось — вечность. А потом Екатерина Александровна открывала ноты с начала, раздавался ее голос, и начинался настоящий профессиональный анализ. И тогда нам становилось ясным, что многое мы не заметили, пропустили, не смогли уловить сути процесса развития. Екатерина Александровна проводила параллели и сравнения, показывая примеры из других произведений этого же композитора или другого.

Настоящим подарком для нас был урок, на котором Екатерина Александровна была в веселом расположении: она могла рассказать интересную историю, у нас с ней завязывался разговор о литературе, которой мы с Ларисой очень интересовались. На таких уроках проявлялось огромное разнообразие творческих и человеческих интересов Екатерины Александровны. Помню, какое шаловливое у нее было выражение лица, когда она пародировала слова в известных стихах, например, вместо «Что в имени тебе моем?» — «Что в вымени тебе моем?» (От старшекурсников мы знали историю, что, якобы, когда Е. А. Ручьевская и Т. С. Бершадская учились в консерватории, то на какой-то праздничной демонстрации, в которой обязательно принимали участие студенты и педагоги, одна из них, на спор, подошла к знаменитому Ю. Н. Тюлину и предложила угоститься из кулечка с семечками. Думаю, это была Екатерина Александровна).

Из урока в урок, трудно, тяжело, переходя от отчаянья к радости, мы постепенно овладевали умением анализировать, идти от анализа к синтезу, сравнивать, обобщать, самостоятельно мыслить, видеть историческую перспективу — за что я бесконечно благодарна Екатерине Александровне.

Анатолий Никодимович Дмитриев, большой, шумный, сразу как будто занимал все пространство аудитории. Он читал нам курс оперной драматургии². Играл наизусть много фрагментов из разных опер (а знал он, очевидно, все оперы), причем сохранял при игре фактуру оригинала — оркестровую, хоровую. Было известно, что, когда он работал пианистом в Мариинском театре, то любые оперы и балеты играл с партитурного листа. Рассказывая, увлекаясь, бил большими руками по клавишам, и иногда казалось, что сейчас разобьет их вдребезги.

У Анатолия Никодимовича были очень своеобразные сравнения, неожиданные ассоциации. Как-то он объяснял нам «Пиковую даму» Чайковского. Характеризуя особенности образа Графини, напряженно-напористо, даже агрессивно сыграл ее тему из вступления к опере, поднялся из-за рояля и, погрозив нам пальцем, грозно сказал: «Это вам не бабушка с печеньцем, нет! Это — танки, танки, танки!..». Тогда нас очень позабавил этот эпизод. И только гораздо позже я узнала, что Анатолий Никодимович Дмитриев во время войны был танкистом. Вот откуда были эти «танки»...

Георгий Григорьевич Тигранов, крупный, но очень подвижный человек, вел у нас музыку народов СССР. (Он учился у Б. В. Асафьева, а основные его научные труды были посвящены музыкальному искусству Армении). Георгий Григорьевич был очень добрым. Если кто-то из студентов опаздывал на его лекции, он не делал выговора, а прерывал рассказ и обращался к опоздавшему как приветливый хозяин к гостю: «Проходите, проходите, пожалуйста».

Никогда не забуду один эпизод. Георгий Григорьевич рассказывал нам о каком-то молодом композиторе, то ли из среднеазиатской республики, то ли одной из республик Кавказа. В качестве музыкального примера мы должны были послушать его сочинение. Георгий Григорьевич дал краткую аннотацию, сказав, что оно написано только для струнных инструментов. Аудитории консерватории тогда были оборудованы радиотрансляторами и телефонами. Преподаватели делали «заказ» в кабинете звукозаписи, и там готовили необходимые для лекции пластинки. Георгий Григорьевич снял трубку телефона и попросил: «Дайте, пожалуйста, первый номер». Из динамика зазвучала музыка, запели скрипки, их подхватили виолончели... Вдруг появились звуки, похожие на высокий регистр флейты. Поскольку произведение было написано только для струнных, все удивленно стали переглядываться. Но Георгий Григорьевич сидел задумчиво за столом, опершись на руку, и никак не прореагировал на странные звуки. «Наверное, это флажолеты», — тихо предположил кто-то. Но когда вскоре громко вступили медные, Геор-

² Моя подруга-однокурсница Фатима Абукова, которая писала под руководством Анатолия Никодимовича дипломную работу, рассказывала, что он очень бережно, заботливо относился к своим студентам, очень помогал им и даже, увлекшись, начинал сам диктовать.

гий Григорьевич вскочил с места и, ни слова не говоря, выбежал из аудитории. Минуты через две музыка в динамике оборвалась: Тигранов дошел до кабинета звукозаписи. Его довольно долго не было. Наконец, он вошел, смущенно потирая большой нос. Мы ждали, как Георгий Григорьевич выйдет из неловкого положения. А он вдруг начал рассказ. «Это было в начале нашего века. В одном из дальних сел в горах Грузии в школе шел урок русского языка. Дети по очереди читали текст на русском языке. Когда закончили, учитель спросил: „Всем понятно?“ Один ученик поднял руку.

— Гоги, что тебе непонятно?

— Непонятно, что такое трóпинка, господин учитель.

Учитель все время жил в селе, где звучала грузинская речь. Он тоже не знал, что такое „трóпинка“. И потому сказал:

— Трóпинка, Гоги, это — озеро.

— Спасибо, господин учитель.

Возвращаясь из школы домой, учитель вдруг увидел молодого человека, который учился в Петербурге. Учитель радостно кинулся к нему и спросил, что такое „трóпинка“. Тот объяснил. На следующий день на уроке учитель спросил:

— Гоги, что ты спрашивал меня вчера?

— Что такое трóпинка, господин учитель.

— И что я тебе ответил?

— Что это озеро, господин учитель.

— И это правильно. И вот если звери идут на водопой к озеру и топчут землю, это тоже будет трóпинка. И даже если озера не будет вообще, все равно, Гоги, это будет трóпинка».

Георгий Григорьевич закончил рассказ под хохот группы и аплодисменты. Педагог блестяще, остроумно вышел из ситуации.

Валерий Леопольдович Майский (брат известного виолончелиста Михаила Майского) был превосходным органистом, обожал и в совершенстве знал творчество И. С. Баха, о котором написал несколько исследований. Игре на органе обучался в Ленинграде у знаменитого Исаяи Браудо. Когда в 70-е годы он уехал в Израиль, то организовал там Общество любителей музыки Баха.

На младших курсах Валерий Майский вел у нас лекции по полифонии, которую прекрасно знал, и все иллюстрировал игрой на рояле; он был и отличным клавесинистом.

Валерий Леопольдович стоит у меня перед глазами: молодой (ему тогда было 30 лет), невысокого роста, с усиками и небольшой «испанистой» бородкой, насмешливым взглядом — ироничный и остроумный. Когда он видел, что студенты устали, то для разрядки рассказывал что-нибудь забавное. К сожалению, сейчас я помню из этих рассказов всего два момента.

В юности Майский преподавал в музыкальной школе в Риге, где работал один композитор, фамилия которого переводилась на русский язык как «Что такое?». Так он получил прозвище «Штотакович».

Рядом с классом Майского находился класс его друга, скрипача, к которому он заходил между занятиями. И вот он попал на один из уроков к маленькой девочке. Она «пиликала» малюсенькие пьески на строчку, максимум — две. Учитель попросил:

— Так, сейчас сыграем «Катис» (в переводе «Кошечка»). Девочка сыграла «Катис»: «пи-ли-пи-ли-пи-ли».

— Очень хорошо. А теперь сыграем «Затис» («Зайку»). Девочка сыграла «Затис»: «пи-ли-пи-ли-пи-ли».

— Очень хорошо. А сейчас еще раз сыграем «Катис». (Все повторилось: «пи-ли-пи-ли-пи-ли»).

— А теперь еще раз сыграем «Затис». После чего учитель торжественно сказал:

— А теперь — всю программу от начала до конца!

Уже позднее я узнала, что Валерий Майский умер молодым, не дожив до 40 лет..

По фортепиано я попала в класс **Изы Давыдовны Ханцин**. Сначала, по незнанию и глупости, я не поняла, как мне повезло. Меня удивляло ее «гудение под нос» при показе на рояле; ее вытянутые при игре пальцы и то, что, погружая палец в клавишу, она им вибрирует, как это делают скрипачи. Думаю, ей было на первых порах со мной нелегко. Переломным моментом стал сольный концерт Изы Давыдовны в Малом зале консерватории. Что именно она исполняла? Кажется — Шумана, Дебюсси, Скрябина. Это было потрясением не только для меня, но и для всех в зале. Такого тонкого проникновения в музыку, такой магии звучания мне раньше ощущать не доводилось. Казалось, рояль дышит, говорит, поет... С этого момента на уроках я жадно слушала каждое замечание, каждый совет Изы Давыдовны. Она удивительно чувствовала стиль музыки, обладала обширными знаниями, своеобразно объясняла, показывала. Кто-то говорил мне, что в юности, перед революцией, Иза Давыдовна в концерте играла перед императором Николаем II (не знаю, правда это или вымысел).

Иза Давыдовне было уже за 70 и, когда она плохо себя чувствовала, то иногда проводила уроки дома. Жила недалеко от Витебского вокзала в «коммуналке» с еще несколькими соседями. Громко играть было нельзя даже днем: недовольные соседи могли начать стучать в двери. Меня поражало, что даже после сердечного приступа, бледная, слабая, Иза Давыдовна всегда выглядела безукоризненно: одежда, прическа, «поднятый» вид.

Кроме того, Иза Давыдовна была сама интересной личностью, она общалась с такими удивительными людьми, как Осип Мандельштам, его жена Надежда Хазина-Мандельштам (с ней И. Д. Ханцин дружила с юности), Мария Юдина, Анна Ахматова и многие другие. Мужем Изы Давыдовны был литератор, поэт и переводчик Александр Моргулис. Мандельштам очень ценил его как мастера слова, посвящал шуточные стихи — «моргулетты». В 1937 году А. Моргулис, прекрасный переводчик, знавший несколько иностранных языков, был репрессирован как «иностранный шпион» и отправлен

в лагерь. Иза Давыдовна как жена «врага народа» была выселена из Ленинграда и отправлена с пятилетним сыном в Среднюю Азию, в Самарканд. От Изы Давыдовны я узнала о трагической судьбе ее мужа. В лагере к «политическим» отношение со стороны власти было ужасное: они голодали, над ними издевались. Многие вскоре погибали. Моргулис продержался целых четыре месяца благодаря тому, что как переводчик знал множество сюжетов приключенческих романов и по ночам в бараке пересказывал их уголовникам, а те подкармливали его, не разрешали обижать и требовали новых увлекательных историй. В 1939 году Изе Давыдовне сообщили о смерти мужа, и через некоторое время ей было разрешено вернуться в Ленинград, правда, в комнату в чужой коммунальной квартире. А через несколько лет с кафедры специального фортепиано, где она преподавала раньше, ее как «неблагонадежную» перевели на ОКФ (общий курс фортепиано), что резко ограничило ее возможности и как педагога, и как исполнителя (справка о реабилитации была выдана Изе Давыдовне только в 1960 году).

Хочется вспомнить и преподавателей с кафедры общеобразовательных дисциплин. Чтобы рассказать об одной интересной личности, мне придется описать свой первый учебный день.

В 1970 году, когда я сдала вступительные экзамены, летом неожиданно в некоторых городах началась эпидемия холеры. Сразу же были приняты необходимые меры, в том числе закрыты города, где зафиксировали случаи заболевания. Закрыли и Волгоград, где я жила. Чтобы выехать из города, нужно было пройти две недели изоляции в специальных «обсервациях», развернутых в школах, детсадах, различных учреждениях. Только после длительной и тщательной проверки людей везли к поезду или самолету. Вот из-за такой обсервации я прилетела в Ленинград на учебу с двухнедельным опозданием, в середине сентября, когда занятия уже шли полным ходом. Я заявила в консерваторию с тяжелым чемоданом и большой сумкой. Как раз наступил большой перерыв между «парами», коридоры заполнили студенты.

Неожиданности начались уже на первом этаже. Сразу же мое внимание привлек человек, одетый для того времени непривычно: в кроссовки и джинсы, редкость по тем временам. Он почти бегом перемещался среди студентов, но было понятно, что к их числу не относится. Я спросила кого-то, стоящего неподалеку: «Скажите, пожалуйста, а кто вон тот человек?» Мне ответили: «Ты что — не знаешь?! Сергей Слонимский». Я была крайне удивлена: несолидный, даже мальчишеский внешний вид никак не вязался с именем уже известного композитора.

Когда я собралась подниматься на второй этаж, меня ждала вторая неожиданность: сверху спускался... знаменитый писатель Алексей Николаевич Толстой, с длинными волосами, шарфом на шее. Но ведь он умер

после войны! Наверно, у меня галлюцинация... Я снова обратилась к кому-то из студентов: «Скажите, кто на лестнице?» Мне ответили: «Толстой!» (Только потом я узнала, что это — Дмитрий Толстой, композитор, сын писателя, очень на него похожий).

Настроившись на то, чтобы уже ничему не удивляться, я начала свое трудное восхождение. И вот тут мимо меня вниз пробежала какая-то женщина. Пока я поднималась на второй этаж, она успела пробежать наверх, потом снова вниз. И пока я «ползла» с этажа на этаж, женщина еще несколько раз пробегала то вверх, то вниз. Эта бегающая женщина с ухоженным молодежьим лицом и стройной, просто девичьей фигурой меня заинтриговала. И как только я, наконец, очутилась на родном пятом теоретическом этаже, так тут же обратилась к какому-то высокому студенту с вопросом, кто эта бегающая вверх и вниз женщина. Реакция была абсолютно неожиданной: парень, не отвечая мне, заорал на весь коридор, обращаясь на сленге: «Чуваки! Константиновская бегаёт!» Тут же мимо меня, все «население» этажа ринулось вниз по лестнице, и через минуту я стояла одна в огромном и пустом коридоре.

Позже все разъяснилось. **Елена Евсеевна Константиновская**, заведующая кафедрой иностранных языков, строго следила за своей фигурой, не позволяла себе мучного и сладкого. А напротив консерватории, в Мариинском (тогда Кировском) оперном театре, была своя пекарня, где изготовлялись изумительные булочки и пирожные. Часть из них, нечасто и в небольших количествах, поступала в консерваторский буфет. Выпечка была настолько вкусной, что Елена Евсеевна не выдерживала и пробовала булочку или пирожное. Но чтобы не набрать лишние граммы, она сразу же начинала бегать по лестницам. Это становилось сигналом, что в буфете появились театральные вкусности. И чтобы успеть хоть что-то застать, все дружно устремлялись в буфет. Таким образом я познакомилась с Е. Е. Константиновской, которая преподавала у нас английский язык.

Биография у Елены Евсеевны была не совсем обычной. Она окончила факультет иностранных языков Ленинградского университета, затем — курсы усовершенствования переводчиков. Свободно владела пятью языками, работала переводчицей в «Интуристе». В 1937 году в Испании в качестве переводчицы интербригад участвовала в войне против испанского фашизма; где-то под Барселоной была ранена в ногу, награждена орденом Красной Звезды. По возвращении вскоре стала преподавать в консерватории.

Когда мы начали у Елены Евсеевны учиться, с удивлением узнали, что ей за пятьдесят: выглядела она безукоризненно — молодо, элегантно. Елена Евсеевна была женщиной на 200 процентов — со сменой настроений, непредсказуемостью, обаянием. У нее имела своя методика преподавания. Ни слова по-русски, всё на английском. Выкручивайся как хочешь, но объясняйся на языке. Если видела, что мы чего-то не поняли, выписывала незнакомые нам слова на доске, тут же

включала их в словарные обороты, рассказывала английские забавные истории, анекдоты. Мы не занимались по скучным учебникам: Елена Евсеевна написала специально для музыкантов учебную книгу «Браво, русские!» [2] с биографиями композиторов, статьями о музыкальных произведениях, инструментах.

Когда в Ленинграде была плохая погода, Елена Евсеевна неважно себя чувствовала, чуть заметно подволакивала раненную ногу. В такие дни мы старались быть активными (кто подготовился, тянул руку отвечать), чтобы ее не расстраивать. Она была человеком увлекающимся, и мы это нередко использовали. Если группа была не очень готова к опросу, кто-то придумывал на английском какой-то оригинальный вопрос, который в начале урока задавался Елене Евсеевне. А дальше группа с облегчением и огромным удовольствием слушала интересный рассказ педагога. Но так везло не всегда, и часто приходилось работать самим.

На одном из «капустников», который проводил наш курс, Наташа Никитина, делая шуточный доклад, назвала нашу консерваторию «физкультурным институтом с музыкальным уклоном». В шутке была огромная доля правды: физкультура играла важную роль в нашем обучении, из-за пропусков уроков или несдачи зачета по физкультуре можно было «вылететь» из вуза.

За нашим физическим развитием неусыпно следила преподаватель физкультуры **Вера Григорьевна Батурина**. Она была просто фанатично предана своей работе и считала, что без занятий ее предметом ничего путного из нас не выйдет. Нам приходилось вставать очень рано, чтобы успеть к первой «паре» то на стадион, где мы до упаду бегали за недостижимыми результатами, то в бассейн, сдавать (пока не сдадим) нормы по плаванию. На зимние каникулы на первом курсе мы поехали не по домам, нет: мы все отправились в зимний лагерь в Серово кататься на лыжах и сдавать по ним нормативы. А летом на третьем курсе, когда наша группа почти в полном составе купила путевки в спортлагерь в Одессе, Вера Григорьевна поехала нашим руководителем. И мы ежедневно участвовали в забегах, заплывах и прочих «за...». Когда мы шли купаться к морю, Вера Григорьевна очень беспокоилась, чтобы с нами на море ничего не случилось, и постоянно предостерегала, показывая в сторону Турции: «Будьте осторожны, а то вас унесет в Турцию». В результате этих предостережений мы написали шуточный сценарий и разыграли «фильм», где одну из нас похищают в Турцию, в гарем турецкого султана (главную роль исполняла Наташа Любавина; на мужские роли пришлось позвать парней с других отделов, так как у нас были одни девчонки).

Вера Григорьевна, как и другие преподаватели кафедры физкультуры, писала научную работу. Суть ее заключалась в доказательстве позитивного влияния физкультурных упражнений на уровень техники студентов. Девочки-пианистки, задействованные в экспе-

Сцена из спектакля «Похищение в Турцию». Одесса. 1973 год

В спортивном лагере. Слева направо: Ирина Медриш, Елена Зайцева, В. Г. Батурина, Любовь Шехтман (студентка старшего курса). Одесса. 1973 год

рименте, рассказывали, что им к пальцам привязывали веревочки, и надо было быстро нажать клавишу тем пальцем, за который дергает педагог-физкультурник. Скорость движения измерялась каким-то приборчиком. Потом определенное время эти подопытные пианистки на уроках физкультуры выполняли специальные упражнения, а далее снова проходили проверку на скорость, и результаты сравнивались. В итоге надо было убедиться, что у тех, кто занимается специальным комплексом упражнений, реакция становится лучше, и возрастает скорость нажатия клавиш.

Вера Григорьевна утверждала, что музыканты — странные люди, у них нет никакой логики. «Ни одному спортсмену не придет в голову проводить общие соревнования между мужчинами и женщинами», — говорила она. «Я никогда бы не побежала дистанцию вместе с мужчинами. У каждого свои возможности и нормы,

это очевидно! А у вас, музыкантов, конкурсы проводятся вместе! Надо, чтобы отдельно соревновались женщины, отдельно — мужчины!» Переубедить ее мы не смогли...

Когда сейчас я наблюдаю, как мои студенты, в основном, «двигаются» и «бегают» в играх в смартфонах, то с благодарностью вспоминаю Веру Григорьевну, заставлявшую нас бегать, прыгать, плавать, словом, двигаться, а значит — жить!

ДИНА МИХАЙЛОВНА СМОРГОНСКАЯ. *Композитор (Израиль).*

Незабываемое

Годы учебы в Ленинградской консерватории и по сей день остаются самым ярким и счастливым временем в моей жизни. С Ленинградом, городом моей мечты, я впервые встретилась в 13 лет, влюбилась в него и решила, что буду здесь жить. И вот в 1969 году моя мечта сбылась: я поступила на композиторское отделение в класс профессора Б. А. Арапова.

Вспоминаю консерваторию, первое, что я вижу, закрыв глаза — это пологая лестница, упирающаяся в мраморную стену, на которой золотыми буквами выбиты имена людей, составивших ее гордость. Счастье, что в эти годы еще преподавали такие Личности. Одно их присутствие создавало особую атмосферу и влияло на всех нас. Чудесный Павел Александрович Вульфийус, незабываемый артистичный Михаил Семенович Друскин, строгий и взыскательный Арон Львович Островский; семинар по современной музыке вела талантливая Людмила Григорьевна Ковнацкая, занятия по инструментовке — композитор Юрий Александрович Фалик. Душой теоретико-композиторского факультета был наш декан Владислав Александрович Успенский. Он тоже был учеником Арапова, а аспирантуру закончил у Д. Д. Шостаковича. Студенты его любили и нередко обращались за поддержкой. Он всегда старался нам помочь. А незабываемые фольклорные экспедиции в Вологодскую область, где я впервые услышала подлинные народные интонации — это впечатления на всю оставшуюся жизнь! Я, конечно, могла кого-то и что-то упустить, но все эти имена и события в моей памяти и сердце.

Человек огромной культуры, настоящий русский интеллигент, ровесник Шостаковича, **Борис Александрович Арапов** принадлежал к композиторам старшего поколения. В то время ему исполнилось 64 года. Это уже позже я узнала, что его, 18-летнего юношу, принимал в консерваторию сам композитор Глазунов, а педагогом по композиции был известный профессор Щербачёв. Борис Александрович любил, когда на его уроках присутствовали и его аспиранты, и студенты.

Свободный обмен мнениями, иногда противоположными, по поводу услышанного сочинения был нормой. Нередко возникали споры, но Борис Александрович никогда не давил своим авторитетом. Он мог указать лишь на недостатки в форме или на неубедительность изложения, но всегда считался с индивидуальностью студента.

Б. А. Арапов обладал совершенным вкусом и чувством формы. Будучи большим мастером оркестровки, он более 20 лет возглавлял кафедру инструментовки, а позднее стал заведующим кафедрой композиции. В совершенстве владея всеми видами современных техник, он имел свой музыкальный язык. Уже в зрелом возрасте Борис Александрович овладел додекафонией. Он считал, что современный композитор должен быть хорошо оснащен технически, но все это должно служить главному — Музыке. Этого он требовал и от своих учеников.

Мне запомнились уроки, на которых Арапов знакомил нас, студентов, с фрагментами своих новых сочинений: с оперой-новеллой «Дождь» (С. Моэм), камерным балетом «Портрет Дориана Грэя» (О. Уайльд). Это доверие окрыляло нас.

Когда я училась уже на третьем курсе, он сказал мне: «Вот Вы всё пишете акварелью, а попробуйте рисовать крупными мазками. Например, маслом! Почему бы Вам не написать ораторию или кантату?» И я написала кантату для хора, солиста и симфонического оркестра «Сарынь на кичку» на стихи Василия Каменского, первая часть которой была исполнена в Малом зале консерватории.

Вообще, Малый зал — белоснежный, воздушный, с портретами Есиповой и Антона Рубинштейна, с легкими венскими стульями — и сейчас стоит у меня перед глазами. Сколько там прозвучало музыки в исполнении прекрасных музыкантов, педагогов и талантливых студентов консерватории! А сколько новых сочинений было впервые представлено! На этой сцене исполнялись и мои сочинения: вокальный цикл на стихи Ю. Тувиима, Концерт для скрипки и симфонического оркестра (моя дипломная работа) и другие.

Однажды, когда Борис Александрович заболел и долго не появлялся в консерватории, я решила его навестить и взяла с собой букет цветов. Он встретил меня с возгласом: «Диночка! Я же не балерина!» В тот день он долго и интересно рассказывал о своих встречах с Блоком и Маяковским. Другом его молодости был поэт Николай Тихонов. Помню, как мы гордились тем, что Б. А. Арапов входил в жюри конкурса имени Чайковского.

С той прекрасной поры прошло много лет. Когда Бориса Александровича не стало (он умер в 1992 году), я уже жила в Израиле. И вот однажды мы с ним встретились! В концерте... В 2004 году, на 40-м фестивале «Петербургская музыкальная весна» во дворце Белосельских-Белозерских исполнялись «Откровение св. Иоанна

Богослова» Б. А. Арапова для виолончели, струнного оркестра, фортепиано и ударных и мой Концерт для фортепиано с оркестром. Для меня такая встреча была знаковой.

На третьем этаже, рядом с классом Б. А. Арапова, преподавали профессора Илья Александрович Мусин и **Вадим Николаевич Салманов**. Там постоянно толпились студенты, было шумно и интересно, иногда раздавался зычный голос последнего. Вадим Николаевич был очень яркой личностью, и его всегда окружали студенты — мои друзья. При встрече в коридоре Салманов вежливо раскланивался, а однажды после студенческого концерта, где исполнялся мой вокальный цикл на стихи Ю. Тувима, он подошел ко мне, поздравил и очень тепло отозвался о моей музыке. Я всегда это помню.

На четвертом курсе Б. А. Арапов и В. Н. Салманов дали мне рекомендацию для вступления в Союз композиторов. В консерватории существовал свой композиторский клуб, где студенты знакомили друг друга с новыми сочинениями и где зачастую проходили бурные, иногда жесткие обсуждения и споры. Новички должны были пройти своеобразный ритуал «посвящения» и представить на суд свои работы. Помню, как я волновалась перед показом и чувствовала себя неуверенно (провинциальная скромность). Но прослушивание прошло успешно, и мою музыку приняли. На эти встречи приходили и уже признанные Геннадий Баншиков, Валерий Арзуманов и Борис Тищенко, показывали нам свои новые, еще не исполнявшиеся сочинения. Так, однажды, **Борис Иванович Тищенко**, любимый ученик Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, пригласил нас к себе домой и познакомил с партитурой Реквиема на стихи А. Ахматовой. Это произошло в 1970-м году, задолго до премьеры в 1989-м году. В то время стихи

многих поэтов, в том числе Ахматовой, не печатались и распространялись в Самиздате. Мы прекрасно понимали, ЧТО нам показывал Борис Иванович — и были ошеломлены.

Консерваторская студенческая жизнь продолжалась и в концертных залах, где мы были постоянными слушателями интересующих нас программ. Например, каждое исполнение нового сочинения Шостаковича в присутствии автора становилось для нас долгожданным и незабываемым событием. Это и симфонии, и квартеты — мы старались не пропустить ни одной его премьеры.

Среди преподавателей кафедры композиции была еще одна яркая личность — композитор **Сергей Михайлович Слоимский**. Остроумный, парадоксальный, ироничный, он любил и умел общаться со студентами. Мог остановиться в коридоре и начать беседу на любую тему. Между собой студенты звали его «Слон». Мы часто ходили в Малый зал филармонии на первые исполнения его сочинений. Это всегда было для нас интересно и ново. Когда в Доме композиторов состоялся показ его оперы «Мастер и Маргарита», нам чудом удалось прорваться в зал и стать свидетелями этого события. Оперу сразу запретили, и только спустя 40 лет она была поставлена в Михайловском театре к 80-летию юбилею автора. Мне повезло присутствовать на репетициях и спектакле. Это была моя последняя встреча с Сергеем Михайловичем.

45 лет назад я закончила консерваторию, которая дала мне силы, подарила знания и научила ценить всё настоящее. Я с гордостью называю себя выпускницей Ленинградской консерватории, где бы я ни находилась. И чем больше проходит времени, тем важнее и значительней кажутся события тех лет.

Я верю, что судьба нашей консерватории будет счастливой, мы все надеемся на это!

Литература

1. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Книги первая и вторая. 2-е изд. Л.: Музыка, Ленингр. отд-е, 1971. 376 с.
2. Константиновская Е. Е. Bravo, русские! М.: Высшая школа, 1969. 125 с.
3. Лаул Р. Г. Слово об учителе // Сергей Николаевич Богоявленский. К 100-летию со дня рождения: Статьи. Материалы и документы. Воспоминания / ред.-сост. Н. А. Брагинская, Н. И. Дегтярева. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2006. С. 8–20.
4. Ручьевская Е. А. Функции музыкальной темы. Л.: Музыка, Ленингр. отд-е, 1977. 160 с.
5. Филленко Г. Т. Французская музыка первой половины XX века. Л.: Музыка, Ленингр. отд-е, 1983. 232 с.

- ВОЛЧЕК Лидия Львовна — Заслуженный работник культуры РФ, награждена медалью Республики Польша «За заслуги перед польской культурой», кавалер Ордена Венгрии «Рыцарский крест Венгерского Ордена за заслуги», доцент кафедры методики преподавания и общего курса фортепиано Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. E-mail: lvolchek@mail.ru
- ГЛИВИНСКИЙ Валерий Викторович — музыковед, доктор искусствоведения, независимый исследователь (Нью-Йорк, США). E-mail: val@glivinski.com
- ДЗЕКЦЕР Инга Наумовна — профессор кафедры камерного ансамбля Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, почетный член Филармонического общества Санкт-Петербурга. E-mail: dzektser@mail.ru
- ЗИМИНА Виктория Яковлевна — профессор кафедры камерного ансамбля Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. E-mail: zimina.victoria@mail.ru
- КЕМОВА Ксения Сергеевна — аспирант Московского государственного института музыки им. А. Г. Шнитке. E-mail: mindyourgrammar@mail.ru
- КИСЕЛЁВА Галина Ивановна — Заслуженная артистка России, профессор кафедры сольного пения Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. E-mail: galivkis@mail.ru
- МИХЕЕВА Марина Владимировна — ведущий специалист по издательской деятельности Редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, главный редактор журнала «Musicus», кандидат искусствоведения. E-mail: edition@conservatory.ru
- СИЗЕНЁВА Лидия Исидоровна — Народная артистка Приднестровской Молдавской Республики, доцент, заведующая кафедрой музыкального образования Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. E-mail: silizz@mail.ru
- СКОРБЯЩЕНСКАЯ Ольга Адольфовна — кандидат искусствоведения, профессор кафедры методики и общего курса фортепиано Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, член Союза композиторов Санкт-Петербурга. E-mail: olgaskorby@mail.ru
- ЯПАРОВА Елена Николаевна — Заслуженная артистка Мордовии, доцент кафедры хорового дирижирования Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. E-mail: yaparovaelena@icloud.com
- VOLCHEK Lidia — Honored Worker of Culture of the Russian Federation, awarded with the medal of the Republic of Poland «For services to Polish culture», chevalier of the «Knight's Cross of the Hungarian Order for Merit» of Hungary, Associate professor at the Department of Teaching methods and General piano course of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory. E-mail: lvolchek@mail.ru
- GLIVINSKI Valery — DSc, PhD, musicologist, Independent researcher (New York, USA). E-mail: val@glivinski.com
- DZEKTSER Inga — Professor of Chamber Music Department of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, Honorary member of The Philharmonic Society of Saint Petersburg. E-mail: dzektser@mail.ru
- ZIMINA Victoria — Professor of Chamber Music Department of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory. E-mail: zimina.victoria@mail.ru
- KEMOVA Ksenia — postgraduate student at Moscow Alfred Schnittke State Institute of Music. E-mail: mindyourgrammar@mail.ru
- KISELEVA Galina — Honored Artist of the Russian Federation, professor of Academic Solo Singing Department of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory. E-mail: galivkis@mail.ru
- MIKHEEVA Marina — PhD, Leading Specialist in Publishing of Editorial and Publishing Department of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, Editor-in-Chief of the Musicus journal. E-mail: edition@conservatory.ru
- SIZENYOVA Lidia — People's Artist of the Pridnestrovian Moldavian Republic, Associate professor, Head of the Department of Music Education of the Pridnestrovian Taras Shevchenko State University. E-mail: silizz@mail.ru
- SKORBYASHCHENSKAYA Olga — PhD, professor at the Department of Teaching methods and General piano course of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, member of St. Petersburg Composers' Union. E-mail: olgaskorby@mail.ru
- YAPAROVA Elena — Honored Artist of Mordovia, Associate professor of the Department of Choral Conducting of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory. E-mail: yaparovaelena@icloud.com